

Научная статья

УДК 811.161.1'367

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-139-149>

О РАЗВИТИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ ИДЕЙ А. Н. КАРПОВА В XXI ВЕКЕ

*Лариса Дмитриевна
Беднарская*

Орловский государственный университет
имени И. С. Тургенева
Орел, Россия, bednarskaya.l.d@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Аннотация. В статье анализируются научные достижения доктора филологических наук профессора А. Н. Карпова в области исследования «поликомпонентных единств» – структур, состоящих из нескольких предложений, объединённых одной темой и синтаксической связностью. Исследования А. Н. Карпова внесли большой вклад в изучение лингвистики текста, его идеи получили продолжение в современных работах о сложном синтаксическом целом (ССЦ) – высшей единице синтаксиса, о его формах и функциях смысловой части целого текста. В современной лингвистике ССЦ анализируется как переходная структура между сложным многокомпонентным предложением и текстом, между предложением и отсоединившейся в целях актуализации присоединительной частью (присоединение, парцелляция). Своё продолжение получает и плодотворная разработка А. Н. Карповым структуры периода, исследование которого оказалось чрезвычайно актуальным в русле изучения структурно-семантического и филологического анализа художественного текста. Оказалось, что тип ССЦ связан с его содержанием, именно в его границах формируются описание, повествование, иногда рассуждение.

Варианты сочетания структур-типов в ССЦ определяют идиостиль писателя. Ключевые слова распределяются в структуре текста по смысловым частям, тематически связывая их. Осознание цельности смысловой части связано с выделением в ней ключевых слов, тематически «сшивающих» её. В первом предложении смысловой части содержатся слова с обобщённым значением, которое раскрывается в последующих предложениях при помощи местоимений, однокоренных слов, синонимов, антонимов и т. д. Стало возможным различить нарратив и собственно повествование внутри сюжета. Нарратив абстрактнее, объёмнее, шире: это текст, передающий информацию о реальных или вымышленных событиях, происходящих во временной последовательности, и языковые средства, его организующие, шире просто повествования. Например, нарратив пушкинской прозы плотный, он максимально информативен: за каждым предложением такого нарратива ощущается объёмный культурно-исторический и сюжетный контекст, апперцепционный фон, это движение самой жизни. В заключении перечисляются признаки сложного синтаксического целого.

Ключевые слова: «поликомпонентные единства» как прообраз сложного синтаксического целого, переходные структуры, формирование типов текста и авторского идиостиля.

Для цитирования: Беднарская Л. Д. О развитии синтаксических идей А. Н. Карпова в XXI веке // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 139–149. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-139-149>

Сведения об авторе: Л. Д. Беднарская – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 300026, Россия, Орловская область, г. Орел, ул. Комсомольская, 41.

© Беднарская Л. Д., 2024

Scientific Article
UDC 811.161.1'367
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-139-149>

ON THE DEVELOPMENT OF A. N. KARPOV'S SYNTACTIC IDEAS IN THE XXI CENTURY

Larisa D. Bednarskaya

Oryol State University named after I. S. Turgenev
Orel, Russia, bednarskaya.l.d@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Abstract. The article analyzes the scientific achievements of Professor A. N. Karpov, Doctor of Philology, in the field of research of "multicomponent unities" – structures consisting of several sentences united by one theme and syntactic coherence. A. N. Karpov's works have made a great contribution to the study of the linguistics of the text, his ideas have been continued in modern works on the complex syntactic whole (CCC) – the highest unit of syntax, on its forms and functions of the semantic part of the whole text. In modern linguistics, the CCC is analyzed as a transitional structure between a complex multicomponent sentence and a text, between a sentence and an attached part that has been disconnected for the purpose of actualization (attachment, parcellation). A. N. Karpov's fruitful development of the structure of the period also continues, the study of which turned out to be extremely relevant in the context of studying the structural, semantic and philological analysis of literary text. It turned out that the type of CCC is also related to its content, it is within its boundaries that a description, narrative, and sometimes reasoning are formed. The variants of the combination of structures-types in the CCC determine the idiosyncrasy of the writer. Keywords are distributed in the structure of the text by semantic parts, thematically linking them. Awareness of the integrity of the semantic part is associated with the allocation of keywords in it, thematically "stitching" it. The first sentence of the semantic part contains words with a generalized meaning, which is revealed in subsequent sentences using pronouns, single-root words, synonyms, antonyms, etc. It became possible to distinguish the narrative and the actual narrative within the plot. The narrative is more abstract, voluminous, broader: This is a text that conveys information about real or fictional events taking place in a time sequence, and the linguistic means that organize it are broader than just narratives. For example, the narrative of Pushkin's prose is dense, it is as informative as possible: behind each sentence of such a narrative there is a voluminous cultural, historical and plot context, an apperceptive background, this movement of life itself. In conclusion, the signs of a complex syntactic whole are listed.

Keywords: "multicomponent unities" as a prototype of a complex syntactic whole, transitional structures, formation of text types and author's idiosyncrasy.

For citation: Bednarskaya, LD 2024, 'On the Development of A. N. Karpov's Syntactic Ideas in the XXI Century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (20), pp. 139–149, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-139-149> (in Russ.)

Information about the Author: *Larisa D. Bednarskaya* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Department, Oryol State University named after I. S. Turgenev, 41, Komso-molskaya Str., Orel, 302015, Russia.

© Bednarskaya L. D., 2024

Введение

Александр Николаевич Карпов одним из первых поддержал новое лингвистическое направление, изучавшее синтаксические единицы, приближающиеся к тексту. Его докторская диссертация «Поликомпонентные единства с идентичными элементами в русской монологической речи» (1983) и ряд публикаций продолжали линию исследования тех структур, которые назывались по-разному: сложными синтаксическими целыми, сложными синтаксическими единствами, сверхфразовыми единствами, синтаксическими целыми, единицами более сложного порядка, синтаксико-семантическими единствами и др. Разрабатывавшие эту проблему лингвисты справедливо считали, что именно текст и его смысловые части в форме сложных синтаксических целых дают возможность наиболее адекватно исследовать законы построения языка / речи, увидеть системные связи между компонентами текста – единицами низших ярусов системы языка. Именно эти единицы изучались и изучаются в системе языка, но живёт язык – в речи и тексте. Именно текст предоставляет возможности для выбора синонимичных и антонимичных структур – лексических, морфологических, синтаксических, и только в тексте на пересечении многообразных системных отношений и выражающих их связей рождаются новые смыслы.

Методология и методы исследования

А. Н. Карпов следовал принципам **структурно-семантического направления**, которое представляет очередной этап развития классического русского языкознания – основы для синтеза различных направлений исследования языка [2, с. 63].

В своём исследовании А. Н. Карпов основывался на четырех направлениях в изучении «поликомпонентных единств». С середины 30-х годов первое грамматическое направление представлено прежде всего работами И. А. Фигуровского [16; 17]. В «Укрупненных синтаксических единицах» рассматриваются синтаксические связи между составляющими их предложениями, делается вывод о том, что в основном эти связи сходны со структурами внутри сложных предложений, между самостоятельными предложениями, а также между смысловыми частями текста.

Второе направление, стилистическое, с конца 40-х годов развивается В. В. Виноградовым [7, с. 141 и сл.], Н. С. Поспеловым [14; 15], Е. И. Дибровой [8, с. 14 и сл.] и др. Считается, что синтаксической единицей связной монологической речи оказывается обычно не предложение, а группа предложений, образующих высказывание, в котором «синтаксическая перспектива» создается особыми средствами выражения сказуемости. Здесь речь идёт о соотношении видо-временных форм сказуемых в компонентах сложного единства, они «рисуют одну картину, обладают замкнутой синтаксической структурой – это сложные синтаксические целые (ССЦ). Именно они, а не отдельные предложения являются действительной синтаксической единицей связной речи и, будучи извлеченными из контекста, сохраняют свою синтаксическую самостоятельность. Если первое грамматическое направление представляет горизонтальный, линейный аспект текста, то второе уже перекидывает мостик к вертикальному – смысловому – более глубинному его “срезу”» [11, с. 64].

Третье структурно-семантическое направление, представленное с конца 50-х годов преимущественно в работах Л. М. Лосевой, Г. Я. Солганика [15], концентрирует внимание на структурной и смысловой целостности текстовой единицы (ССЦ, прозаической строфы). ССЦ интерпретируется как текст с его структурными признаками: выделяют зачин, основную фразу, комментирующую часть, или концовку. Само же ССЦ определяется как сочетание самостоятельно оформленных в тексте предложений, выражающее относительно полное содержание определенной микротемы, в своем текстовом воплощении нередко приближенной к «маленькому рассказику» .

Четвертое направление, хотя и называет себя семантическим, большее внимание обращает на синтаксическую связность, но выясняет, что семантическая связность текста, наряду с другими видами связности, является первоосновой его целостности. Идеи этого направления представлены в работах Н. Д. Арутюновой [1], С. И. Гиндина и др.

Результаты исследования

А. Н. Карпов совмещает эти направления на новом уровне, добавляя к изучению структуры и семантики поликомпонентных единств функционально-стилистический аспект. Он впервые системно анализирует три структурно-семантических типа поликомпонентных единств: анафорические, катехизические единства и гипотаксические периоды «как наиболее определившиеся в социально-коммуникативном, композиционном и эстетико-стилистическом отношениях» [10]. В их исследовании объединяются структурный, семантический и коммуникативный аспекты: прослеживаются пути развития данных структур, релевантность составляющих их компонентов, делаются попытки дифференцировать общестилевые и идиостилистические черты поликомпонентных единств, определить их основные типы и виды, наиболее характерные для определённых стилей, а также типы единств по однородности их функций. А. Н. Карпов показывает, какие экстралингвистические факторы влияют на функциональное сближение некоторых видов единств. Особенно интересно и перспективно исследование гипотаксических единств – периодов, определения которых до сих пор нет ни в лингвистических, ни в школьных словарях, тогда как в практике вузовского и школьного образования периоды активно изучаются в курсах филологического анализа текста [6; 9; 10].

Обсуждение результатов

Идеи А. Н. Карпова, объединяющие анализ языка и речи, нашли своё продолжение на новом этапе развития лингвистики текста. Во-первых, текст рассматривается как **единица языка и речи**. Как единица языка он представлен сложным синтаксическим целым, как единица речи – цельным произведением, результатом речевой деятельности. Текст не входит в иерархию синтаксических единиц, он представляет филологическое понятие. В школе на уроках русского языка, а также в вузе изучается ССЦ в форме иллюстративного материала, включающего языковое явление, функционирующее в его естественной среде. На уроках и занятиях по литературе текст изучается как речевое произведение – по другим законам [6].

Во-вторых, ССЦ – иерархически высшая единица системы языка, она является максимально переходной структурой между многокомпонентным сложным предложением, имеющим языковую семантику и структуру, и текстом [6]. С другой стороны, ССЦ несёт структурно-смысловую смысловую «порцию» текста и в то же время может быть оформлено как целый текст. Сложное синтаксическое целое включает все компоненты языковой системы и распространяется на них. ССЦ состоит из простых и сложных предложений всех типов и видов, которые в свою очередь строятся из словоформ разных частей речи. Как показали мои исследования, и семантика, и структура ССЦ имеют переходный характер. Семантика – это уже не просто синтаксическое значение даже в сильно усложнённом многокомпонентном сложном предложении – она значительно сложнее [5]. В составе ССЦ она имеет текстовый характер, заявляя и раскрывая микротему, часть общей темы текста. В ССЦ сохраняются линейные связи, в целом тексте связность когезийная, импульсная [6, с. 166–184].

В-третьих, именно в структуре ССЦ в роли смысловой части текста формируются типы речи: описание, повествование, иногда рассуждение, а также идиостиль автора [6, с. 136–149]. Художественный текст как результат творчества, воссоздающего субъективную картину мира, объединяет языковую систему, речевую деятельность и речь, но строится он по законам языковой системы, так как текст состоит из

фрагментов – сложных синтаксических целых (смысловых частей), в какой-то мере раскрывающих микротемы, которые вписываются в общую тему произведения, несут смысловую нагрузку, организуя скрытые смыслы текста. Текст как речевой результат – творчество, а не модель, хотя он творится по законам сочетающихся моделей, но смыслы его распространяются «за» семантику языковых моделей.

ССЦ существует «на переходах»

Особенно ярко это проявляется в процессе филологического анализа микротекста, содержащего одну микротему, имеющего форму сложного синтаксического целого. Жанр лирических миниатюр демонстрирует, как в едином лирическом выплеске-впечатлении выражен сгусток эмоций-ассоциаций, возвращающих лирического героя в далёкое детство. Даже блок уточняющих обстоятельств времени отдельно не интонируется.

Встреча с детством

Утро пасмурное, а вечером солнце, весна ослепительная. И есть переулочки в Замоскворечье, где сохранилась тишина и в какую-то минуту перед самым вечером в сумраке можно встретить себя самого в детском виде и наслаждающимся счастьем детства под чудесный говорок засыпающих галок. (М. Пришвин)

Такой же выплеск-впечатление возможен в форме усложнённого сложного предложения с разными типами связи, оно легко может быть представлено как ССЦ:

Встреча

Фиалка в лесной тени запоздала, как будто дожидалась увидеть младшую свою сестру землянику, и та поспешила, обе встретились: весенняя сестрица, бледно-голубая фиалка о пяти лепестках, и земляника о пяти лепестках белых, скреплённых в середине одной жёлтой пуговкой. (М. Пришвин)

Глубокая философская мысль может быть облечена в форму МСП, синонимичную сложному синтаксическому целому [5]:

Сказочная красавица

Всё вдвойне: человек и зверь, день и ночь, любовь и ненависть, растение и животное, лес и поле, рука и нога, и так всё, но солнце не имеет своего антипода, и на что уж ночные светила, кажется, годятся к этому, но как подумаешь – тоже нет: солнце, месяц и звёзды сходятся вместе, украшая ночную красавицу. (М. Пришвин)

Переходность между предложением и тестом формирует яркие средства актуализации – **автономное присоединение и парцелляцию**. В XX в., особенно во второй его половине, в качестве мощного экспрессивного средства оформилось актуализированное присоединение: компонент отделяется от базовой части высказывания точкой, в результате предложение превращается в ССЦ. Этот приём экспрессивной актуализации главного информативно-чувственного компонента широко использовала уже М. Цветаева:

Той, где на монетах

Молодость моя,

Той России нету.

Как и той меня.

От базовой части может отрываться придаточное предложение:

Остаются только тучи – но их разгоняет ветер.

Ибо у смерти всегда свидетель он же и жертва.

(И. Бродский)

Или члены предложения:

Моя девочка в автомате

Мёрзнет. В туфельках почему-то.

(А. Вознесенский)

Тонкие вариативные переходы между предложением и ССЦ, ССЦ и текстом наблюдаем в лирических стихотворениях. Скандирование – собственно парцеллирование – встречается редко, выполняя ритмо-мелодическую, актуализирующую и смысловую функции:

*Ягоды двоились, наплывали,
в зелень зарывались от жары.
Медленно качали головами
солнечные сочные шары.
Справа.
Слева.
Всюду!
Повсеместно!
Дальше убегали –
под кусты...*

(Р. Рождественский)

В отличие от трёх основных типов связи – сочинения, подчинения, бессоюзия, – имеющих объективированный характер, выражающих семантику результата мыслительного процесса, присоединение имеет субъективный характер – отражает точку зрения говорящего и может оформляться как любым типом связи, так и своей собственной номенклатурой связей. Таким образом, присоединение синтаксически оформляет безграничный спектр субъективных авторских интенций, интеллектуальных и экспрессивных, служащих основой для актуализации чего угодно. Присоединение помогает выразить смыслы «за строкой» по принципу дополнительности, акцентировать самое важное для автора, присоединение организует подтекст, ассоциативные смыслы произведения.

Особенно ярко переходность проявляется в периодах, которые могут представлять собой и МСП, и ССЦ. А. Н. Карпов исследует их на материале прозы Л. Толстого [9]. Подобные структуры нередки в романе «Евгений Онегин» (гл. 2, XVIII):

*Когда прибежем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя
И нам становятся смешны
Их своевольство иль порывы
И запоздалые отзывы, –
Смиранные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чуждых язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забывтый в хижине своей.*

Чаще период составляет часть стихотворения. Период, открывающий стихотворение, занимая сильную позицию, определяет и экспрессивно актуализирует имплицитные смыслы:

*Изведав жар такой работы,
Когда часы быстрее минут,
Когда забудешь, где ты, что ты,
И кто, и как тебя зовут;*

**Когда весь мир как будто внове
И дорога до смерти жизнь, –
От сладких слёз, что наготове,
По крайней мере, удержишься.**

*Года обязывают строже,
О прежних вспышках не жалеи.
Не штука быть себя моложе,
Труднее быть себя зреей.*

(А. Твардовский)

Препозитивное придаточное обычно совпадает с темой всего высказывания, которой оппозиционная рема, представляющая блок главного предложения с постпозитивными придаточными. Поглощающая сила любого детерминанта и объясняется тема-рематической актуализацией высказывания, когда целеустановка речевой реализации определяет синтаксическую структуру языковой модели. Контаминированное подчинение в МСП доступно далеко не каждому художнику слова, особенно лирику, но владеющему этим секретом открываются новые горизонты в постижении и выражении собственного Я. Типы текста (речи) структурируют сочетания определённых составов предложений и их логико-синтаксические типы [4, с. 154].

А. Н. Карпов верно писал, что варианты сочетаний структур-типов в ССЦ определяют идиостиль писателя. Стало возможным различить структуру нарратива и собственно повествования [6, с. 196–207]. Нарратив пушкинской прозы плотный, он максимально информативен. Это именно нарратив, который выходит за рамки просто повествования, оформленного элементарными языковыми средствами – он абстрактнее, объёмнее, шире: это текст, передающий информацию о реальных или вымышленных событиях, происходящих на значительном временном отрезке, и языковые средства, его организующие, шире просто повествования. За каждым предложением такого нарратива ощущается объёмный культурно-исторический и сюжетный контекст, апперцепционный фон, это движение самой жизни. Проанализируем, например, начальное ССЦ в рассказе А. С. Пушкина «Арап Петра Великого»:

*В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его **крестник, арап Ибрагим**. Он обучался в парижском военном училище, выпущен был капитаном артиллерии, отличился в Испанской войне и, тяжело раненый, возвратился в Париж. Император среди обширных своих трудов не престава осведомляться о своем любимце и всегда получал лестные отзывы насчет его успехов и поведения. Петр был очень им доволен и неоднократно звал его в Россию, но Ибрагим не торопился. Он отговаривался различными предложениями, то ранюю, то желанием усовершенствовать свои познания, то недостатком в деньгах, и Петр снисходительствовал его просьбам, просил его заботиться о своем здоровье, благодарил за ревность к учению и, крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы и предостерегательные наставления.*

Данную структуру трудно назвать повествованием, так как она содержит значительный временной этап, в течение которого происходили описанные события. За каждым из них скрывается апперцепционная база знаний об эпохе, героях, о прошлом, настоящем и будущем их судеб. Информация о них свёрнута до максимума и может быть развёрнута в целый роман: история арапа Ибрагима, почему он стал крестником Петра, его жизнь в России, почему он оказался в Европе, его учёба и продвиги в Испанской войне, почему он не хотел возвращаться в Россию, его отношения с Петром и т.д. Такая структура – прекрасная иллюстрация к словам самого автора:

«Точность и краткость – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ничему не служат» («О прозе»).

Инвариантная для повествования релевантность соотношений форм совершенного / несовершенного видов сглажена – это не столько последовательность событий, сколько широкая темпорально-пространственная картина – вхождение в хронотоп произведения. Включения других типов редки и минимальны: буквально несколько слов. Нарратив соответствует повествованию, которое разбавляется краткими описаниями. Рассуждений мало, и они занимают минимальный объём ССЦ, поэтому незначительна частотность конструкций гипотетической обусловленности (условных, уступительных СПП). Такие нарративные ССЦ характерны для рамок и всего текста, и отдельных глав. Внутри сюжета находятся ССЦ, формирующие собственно повествование или описание:

На другой день Петр по своему обещанию разбудил Ибрагима и поздравил его капитан-лейтенантом бомбардирской роты Преображенского полка, в коей он сам был капитаном. Придворные окружили Ибрагима, всякий по-своему старался обласкать нового любимца. Надменный князь Меншиков дружески пожал ему руку. Шереметев осведомился о своих парижских знакомых, а Головин позвал обедать. Сему последнему примеру последовали и прочие, так что Ибрагим получил приглашений по крайней мере на целый месяц.

Определяющую роль в данном повествовании выполняют соотношения форм совершенного вида, этому не мешает даже параллельная структура ССЦ. Совершенно другой тип соотношения ССЦ и текста находим, например, у Ф. М. Достоевского в последнем романе «Бесы».

Заключение

Идеи А. Н. Карпова открывают широкие перспективы современных исследований языка, литературы, филологии, методики их преподавания в школе и вузе. Лингвометодическое, «школьное» определение текста до сих пор, по сути, является определением сложного синтаксического целого: «Текст – сочетание предложений, связанных между собой по смыслу и грамматически» [3, с. 34]. Нередко сложное синтаксическое целое и текст не различаются, а обозначающие их слова употребляются как синонимы. Это касается не только школьных, но и вузовских учебников: например, Н. А. Николина использует термины *сложное синтаксическое целое* и *текст* как взаимозаменяемые, – скорее, даже не как синонимы, а слова с одним денотатом [12, с. 649].

Сложное синтаксическое целое занимает промежуточное положение, являясь высшим звеном в иерархии синтаксических единиц, между единицей языка и текстом как филологическим явлением, это высшая в системе синтаксиса единица. «Нежесткая», но достаточно определённая структура каждого функционального типа ССЦ предоставляет огромные возможности для выражения максимально разнообразного тематического содержания, организуя его в структурно-смысловые блоки. «Семантическое» в ССЦ размыто, оно превращается в текстовое «тематическое», однако формальные ограничения, определяющие структуру типа, есть.

В последние годы внимание к ССЦ активизировалось в лингвометодическом аспекте – в связи с разработкой и внедрением в практику школьного преподавания системно-деятельностных технологий развития речи. В моём учебно-методическом пособии «Учимся писать сочинение» (М.: ФЛИНТА – Наука), выдержавшем восемь изданий, подробно раскрываются эти насущные проблемы. Оказалось, что моделировать и написать сочинение можно только при условии осознания цельности и связности смысловых частей текста-образца. Моделирование смысловых частей сочинения и их соположения лежит в основе композиции будущего произведения ученика. Центральными понятиями любой работы с текстом являются **смысловая**

часть текста и ключевые слова в смысловой части, они взаимосвязаны. Содержание смысловой части опирается на ключевые слова. Ключевые слова распределяются в структуре текста по смысловым частям, тематически связывая их. Осознание цельности смысловой части связано с выделением в ней ключевых слов, тематически «сшивающих» её. В первом предложении смысловой части содержатся слова с обобщённым значением, которое раскрывается в последующих предложениях при помощи местоимений, однокоренных слов, синонимов, антонимов и т. д. Конкретизация такого слова-гиперонима является содержательным ядром смысловой части. Особенно важно автоматизировать навык выделения ключевых слов в смысловых частях научного текста, это основа его информационной переработки и создания на её основе устного и письменного воспроизведения – от пересказа, конспекта до научной статьи.

Оказалось, что многие текстологические понятия / термины чётко не определены. До сих пор и в научной, и в учебной литературе не различаются понятия/термины *тип* и *структура текста*, *смысловая часть текста* (сложное синтаксическое целое) и *абзац*.

Различие между сложным синтаксическим целым и текстом явственно обнаруживается при сравнении планов и содержаний их анализа. При синтаксическом (собственно лингвистическом) анализе сложного синтаксического целого в центре внимания – его синтаксическая структура, синтаксические связи и отношения, синтаксическая (языковая) семантика.

При филологическом анализе цельного текста как речевого произведения предмет наблюдения – авторская позиция, тематическое и идейное единство текста, способы их выражения, информативная семантика, система образов, стилевые и стилистические особенности, интертекстуальные связи, имплицитные, вербально не выраженные смыслы, место в методологическом направлении, в русле которого создано произведение, и т. д.

Сложное синтаксическое целое и текст различаются характером семантики и структуры. В сложном синтаксическом целом определяются языковая (синтаксическая) семантика, синтаксическая структура (количество предложений, их типовые и видовые разновидности, языковые средства связи и др.), в тексте – информативная семантика с актуализацией речевого компонента. В сложном синтаксическом целом выявляются синтаксические связи и отношения, а при анализе текста обращается внимание на тему и идею текста, его типы, формируемые грамматическими средствами, языковая структура превращается в художественную – сюжетную и композиционную.

Текст базируется на структуре сложного синтаксического целого. Сложное синтаксическое целое – это зерно синтаксической формы текста, один из его признаков, который не всегда принимается во внимание при филологическом анализе текста.

В условиях внедрения системно-деятельностных технологий в школе и вузе анализ текста осмысливается как интегративный синтез современных методов и приёмов. Анализ текста преследует разные цели, представлен в разном объёме, имеет разные объекты, несмотря на то что они называются одним словом – *текст*. Системный филологический подход к изучению языка и произведения, созданного посредством языка, позволяет различить разные виды такого анализа: **предварительный, информативный, комплексный, лингвистический, стилистический, литературоведческий, филологический**. Они взаимно дополняют друг друга.

В заключение перечислим **признаки сложного синтаксического целого**:
– состоит из нескольких простых и сложных предложений,

- единство темы,
- рамочная структура,
- способы раскрытия гиперонима определяют горизонтальную структуру (тип) ССЦ;
- цепная или параллельная **линейная** текстовая структура;
- языковые средства развития микротемы (гипероним определяет микротему, синонимичные ему языковые средства – ключевые слова – развивают её);
- языковые средства связности (дейксисы, сочинительные союзы, вводные компоненты, типовые наречия места и времени, видо-временные соотношения форм глаголов-сказуемых и т. д.); подчинительные союзы чаще используются в МСП;
- отсутствие ведущей связи при сочетании связей разных типов;
- «размытость» общей семантики по сравнению с соотносительным МСП;
- ослабление синтаксического синкретизма;
- отсутствие тема-рематического членения;
- отсутствие единой интонационной оформленности.

Список источников и литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 383 с.
2. Бабайцева В. В. Развитие идей традиционного языкознания в структурно-семантическом синтаксисе // Избранное, 2005-2010 : сб. ст. М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. С. 76–96.
3. Бабайцева В. В. Русский язык: 10-11 класс : учебник : углубленный уровень. М.: Дрофа, 2013. 447 с. (Русский язык и литература).
4. Бабайцева В. В. Синтаксис русского языка : монография. М.: Флинта : Наука, 2015. 576 с.
5. Беднарская Л. Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентного сложного предложения : монография. М.: Флинта : Наука, 2014. 130 с.
6. Беднарская Л. Д. Сложное синтаксическое целое и текст : монография. М.: Флинта : Наука, 2019. 327 с.
7. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.
8. Диброва Е. И. Избранные работы : в 2 т. М.: ТВТ Дивизион, 2008. Т. 1: Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл. 430 с.
9. Карнов А. Н. Стилистические функции периодов в произведениях Льва Толстого (из книги «Стилистический синтаксис Л. Толстого») // Русистика: проблемы, достижения, перспективы : сб. науч. ст. / отв. ред. Г. В. Токарев. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2003. С. 65–73.
10. Карнов А. Н. Поликомпонентные единства русской эмфатической речи : учеб. пособие. Тула: Тул. пед. ин-т, 1981. 81 с.
11. Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1968. 250 с.
12. Николина Н. А. Сложное синтаксическое целое // Современный русский язык Теория. Анализ языковых единиц : учебник для студ. вузов : в 2 ч. / под ред. Е. И. Дибровой. М.: АCADEMIA, 2001. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. С. 560–586.
13. Поспелов Н. С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Ученые записки МГУ. 1948. Вып. 137: Труды кафедры русского языка. Кн. 2. С. 36–48.
14. Поспелов Н. С. О грамматической природе сложного предложения // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1950. С. 321–327.
15. Солганик Г. Я. К проблеме типологии речи // Вопросы языкознания. 1981. № 4. С. 70–79.
16. Фигуровский И. А. От синтаксиса отдельного предложения – к синтаксису целого текста // Русский язык в школе. 1948. № 3. С. 21–31.

17. *Фигуровский И. А.* Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 171 с.

References

1. Arutyunova, ND 1976, *Predlozheniye i yego smysl: logiko-semanticheskiye problem* (The sentence and its meaning), Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
2. Babaytseva, VV 2010, 'Razvitiye idey traditsionnogo yazykoznanija v strukturno-semanticheskom sintaksise' (Development of ideas of traditional linguistics in structural and semantic syntax), *Izbrannoye, 2005-2010* (Selected, 2005-2010), Izd-vo SGU publ, Moscow, Stavropol, pp. 76-96. (In Russ.)
3. Babaytseva, VV 2013, *Russkiy yazyk: 10-11 klass* (Russian language. Grades 10-11), Drofa publ, Moscow. (In Russ.)
4. Babaytseva, VV 2015, *Sintaksis russkogo yazyka* (Syntax of the Russian language), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
5. Bednarskaya, LD 2014, *Zakonomernosti grammaticheskogo chleneniya mnogokomponentnogo slozhnog o predlozheniya* (Patterns of grammatical division of a multicomponent complex sentence), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
6. Bednarskaya, LD 2019, *Slozhnoye sintaksicheskoye tseloye i tekst* (Complex syntactic whole and text), Flinta publ, Nauka publ, Moscow. (In Russ.)
7. Vinogradov, VV 1963, *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika* (Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics), Izd-vo AN SSSR publ, Moscow. (In Russ.)
8. Dibrova, YeI 2008, 'Khudozhestvennyy tekst: Struktura. Soderzhaniye. Smysl' (Literary text. Structure. Content. Meaning), *Izbrannyye raboty: v 2 t.* (Selected works. In 2 vols.), vol. 1, TVT Divizion publ, Moscow. (In Russ.)
9. Karpov, AN 2003, 'Stilisticheskiye funktsii periodov v proizvedeniyakh L'va Tolstogo (iz knigi «Stilisticheskiy sintaksis» L. Tolstogo)' (Stylistic functions of periods in the works of Leo Tolstoy (from the book 'Stylistic syntax' by L. Tolstoy), *Rusistika: problemy, dostizheniya, perspektivy* (Russian studies: problems, achievements, prospects), ed. G. V. Tokarev, Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, Tula, pp. 65-74. (In Russ.)
10. Karpov, AN 1981, *Polikomponentnyye yedinstva russkoy emfaticheskoy rechi* (Multicomponent unities of Russian emphatic speech), Tul. ped. in-t publ, Tula. (In Russ.)
11. Kozhina, MN 1968, *K osnovaniyam funktsionalnoy stilistiki* (On the foundations of functional stylistics), Izd-vo Permskogo un-ta publ, Perm. (In Russ.)
12. Nikolina, NA 2001, 'Slozhnoye sintaksicheskoye tseloye' (A complex syntactic whole), *Sovremennyy russkiy yazyk Teoriya. Analiz yazykovykh yedinit* (Modern Russian language. Theory. Analysis of linguistic units), ed. Ye. I. Dibrova, part 2, ACADEMIA publ, Moscow, pp. 560-586. (In Russ.)
13. Pospelov, NS 1948, 'Problema slozhnogo sintaksicheskogo tselogo v sovremennom russkom yazyke' (The problem of a complex syntactic whole in modern Russian), *Memoirs of the Faculty of Physics, Lomonosov Moscow State University*, no. 137, pp. 36-48. (In Russ.)
14. Pospelov, NS 1950, 'O grammaticheskoy prirode slozhnogo predlozheniya' (On the grammatical nature of a complex sentence), *Voprosy sintaksisa sovremennogo russkogo yazyka* (Issues of syntax of the modern Russian language), Izd-vo MGU publ, Moscow, pp. 321-327. (In Russ.)
15. Solganik, GYa 1981, 'K probleme tipologii rechi' (On the problem of typology of speech), *Voprosy Jazykoznanija*, no. 4, pp. 70-79. (In Russ.)
16. Figurovskiy, IA 1948, 'Ot sintaksisa otdel'nogo predlozheniya – k sintaksisu tselogo teksta' (From the syntax of a single sentence to the syntax of the whole text), *Russian language at school*, no. 3, pp. 21-31. (In Russ.)
17. Figurovskiy, IA 1961, *Sintaksis tselogo teksta i uchenicheskiye pismennyye raboty* (Syntax of the whole text and student written works), Uchpedgiz publ, Moscow. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 09.09.2024
Одобрена после рецензирования: 21.12.2024
Принята к публикации: 21.12.2024

The article was submitted: 09.09.2024
Approved after reviewing: 21.12.2024
Accepted for publication: 21.12.2024